

Иммануил Валлерстайн

«В ТЕРМИНАХ ТРАДИЦИОННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ Я – ЕРЕТИК»

Аннотация

Интервью с Иммануилом Валлерстайном, профессором, многолетним директором Центра Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций при университете штата Нью-Йорк в Бинхемтоне (США). Фундаментальные исследования И. Валлерстайна, посвященные проблемам анализа исторических систем, в особенности становлению и развитию капиталистической мир-экономики (КМЭ), получили всемирную известность и открыли новый этап в изучении глобальных процессов развития и трансформации человеческих обществ¹.

«И. Валлерстайн является как видным мировым историком, так и мечтательным пророком. Такое сочетание необычно, особенно для нашей эпохи интеллектуальной фрагментации и академической специализации», – отмечает один из самых авторитетных современных историков У. Макнил.

«Вопросы образования»: Почему МСА – мир-системный анализ – считают альтернативой традиционной социальной науке?

Иммануил Валлерстайн: Мир-системный анализ – это не теория о социальном мире или какой-то его одной части, скорее, это протест против тех способов, с помощью которых социальное научное познание было структурировано для нас при своем возникновении в середине XIX столетия. В самом широком смысле мир-системный анализ является продолжением и распространением идей «всемирной революции» 1968 года на сферу социального знания, реакцией на «идеологизированный позитивизм и фальшивый аполитизм» социальных наук 50–60-х годов. Мы нуждаемся не просто

¹ *Wallerstein I. The Essential Wallerstein (New York: The New Press, 2000). Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, 1999; Wallerstein I. World-System Analysis, in A. Giddens & J.H. Turner, eds., Social Theory Today (Cambridge: Polity Press, 1987); Wallerstein I. Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms (Cambridge: Polity Press, 1991); Wallerstein I. The TimeSpace of World-Systems Analysis: A Philosophical Essay, Historical Geography. Vol. XXIII. No. 1/2 (1993), 5–22; Wallerstein I. Open the Social Sciences, Items. Vol. 50. No. 1 (March 1996) 1–7; Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist Agricultural and the origins of the European World-Economy in the sixteenth Century (New York: Academic Press, 1974). Второй и третий тома вышли, соответственно, в 1980 и 1989 гг.: Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 2: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750 (New York: Academic Press, 1980); Idem, The Modern World-System. Vol. 3: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's (San Diego: Academic Press, 1989).*

в переосмыслении, а в радикальной замене социальной науки XIX столетия, потому что множество ее предпосылок (на мой взгляд, ошибочных и ограниченных) все еще слишком укоренены в нашем мышлении. Эти предпосылки, когда-то способствовавшие освобождению духа, сегодня выступают главным интеллектуальным барьером для успешного анализа социального мира.

ВО: Что, на ваш взгляд, является сегодня главным препятствием для адекватного понимания и описания современной реальности?

И.В.: Прежде всего это представление о том, что социальная реальность якобы существует в трех особенных и отдельных сферах: политической, экономической и социокультурной. Под экономическими явлениями при этом понимается то, что относится к функционированию рынка, под политическими – то, что относится к сфере функционирования государственных институтов, а под социокультурными – то, что определяется преимущественно состоянием нашего духа. Каждая из этих сфер – экономика, политика и культура – представляет автономный вид деятельности и имеет собственную внутреннюю логику развития (поэтому между ними могут возникать противоречия и происходить взаимные конфликты). Однако на самом деле экономика, политика и культура работают вместе и неразрывно. Например, функционирование экономической сферы не может быть правильно понято на основе только того, что относится к сфере «рынка»: любая производственная система организована как сеть социальных отношений, которая воплощает определенную ценностную систему представлений, в свою очередь подразумевающих определенные политические процессы и реализующихся через них. Даже «экономические» рынки являются, скорее, социально-политическими образованиями, а, например, истинный уровень цен зависит от многих социально-политических обстоятельств. Вся политическая деятельность служит цели обеспечения экономических преимуществ или потребностей, так же как и достижению определенных социокультурных целей. И может ли быть стремление к политической власти отделено от данных моментов? Наконец, и социокультурная деятельность делается возможной и объяснимой через экономические и политические обстоятельства. Как можно вообразить социальную (и/или культурную) деятельность отдельно от этих факторов? Все институты действуют одновременно и политически, и экономически, и социокультурно, а в противном случае они неэффективны.

Существует единый «набор правил» (или единый «набор ограничений»), внутри которых действуют эти разнообразие структуры. Этот единый «набор правил» определяет функционирование институтов системы, которые в конечном счете управляют социальным действием, ограничивают его таким образом, что базисные принципы системы реализуются в большей или меньшей степени, а индивиды или группы социализируются в поведении, отвечающем системе.

Следовательно, святая троица – политика, экономика и культура – сегодня не имеет никакой интеллектуальной ценности и, возможно, никогда не имела, а если быть более точным – обладала ею очень недолгий срок.

ВО: Тем не менее подобное разделение сфер опирается на прочную традицию, закрепленную прежде всего системой образования. Какие изменения вы считаете необходимыми в этом плане?

И.В.: Мы нуждаемся в фундаментальной реорганизации всей познавательной деятельности в социальных науках, что предполагает выход за рамки того дисциплинарного разделения их, которое сложилось в XIX столетии. Современная институционализация социальных дисциплин (создание кафедр, ассоциаций, журналов) была обусловлена либеральной догматикой «проекта Модерна», постулирующей противопоставление: 1) рынка и государства; 2) современного настоящего и исторического прошлого; 3) цивилизованного Запада и остального (нецивилизованного) мира.

Первое противопоставление обусловило возникновение экономической науки («экономикс») и политологии, которые в своем классическом, мейнстримовском варианте изучали свои предметы в «идеальном» виде, очищенном от пут традиции и «случайностей» и подчинялись универсальным закономерностям (последние, в конечном счете, «говорили» на языке математических формул и алгебраических выкладок). Все, что осталось на обочине социальной реальности (семья, религиозные институты, жизнь локальных сообществ, криминальная деятельность, демография и т. д.), под видом «остатков» было свалено в мешок, в качестве компенсации названный великим именем социологии, которая должна была объяснить внешние «иррациональные» явления. Триада экономики, политологии и социологии отчасти заблокировала формирование потенциально возможной иной конфигурации социальных дисциплин, поскольку в самом начале эпохи Модерна существовало множество конкурирующих «научных программ»: политическая экономия, социальная экономия, политическая арифметика, статистика.

ВО: Какие пути выхода за пределы «перегородок» вы видите?

И.В.: Я думаю, что преодоление границ возможно не через развитие междисциплинарных исследований (они могут привести лишь к институционализации еще одной «дисциплины»), а через метадисциплинарный анализ единой и целостной социальной реальности. Ведь «наложение» и «перекрытие» дисциплин все более возрастает, и поэтому пришло время вырваться из этой «интеллектуальной трясины», признав, что все они, в сущности, – одна наука о человеческом обществе, а именно: историческая социальная наука.

ВО: Как, с вашей точки зрения, устроена социальная наука? «Согласна» ли она с описанной вами структурой барьеров?

И.В.: В самой социальной науке всегда существовали «очаги сопротивления» господствующему видению социального мира, выступавшие как против теоретических предпосылок «интеллектуального проекта» социальной науки XIX столетия, так и против ее политических следствий. Первый очаг сопротивления – Staatswissenschaft, историческая школа политической экономии в Германии, представленная именами Ф. Листа и Г. Шмоллера. Их идея была, в сущности, очень простой: либеральная, фри-трейдерская Великобритания не является для других стран моделью, образцом для подражания. Социальные структуры различных регионов мира являются следствиями их разных историй. Они необходимо ведут к различным институциональным структурам, а те, в свою очередь, определяют разность современных социальных процессов.

Второй очаг сопротивления – это школа «Анналов» во Франции, школа М. Блока, Л. Февра и Ф. Броделя. «Анналы» ведь и возникли как «интеллектуальная реакция», как движение, направленное против сложившейся во второй половине XIX – начала XX века организации научного знания в области социальных наук, предполагавшей подразделение на дисциплины со строго очерченным исследовательским полем. Критика «Анналами» традиционной социальной науки развивалась в виде «войны на два фронта»: с одной стороны, против представлений об «историзирующей» событийно-описательной истории, с другой – против «объяснения» развития событий в прошлом действием универсальных закономерностей, обуславливающих, детерминирующих человеческое поведение.

Третий очаг сопротивления – марксизм, разрабатывающий идею историчности человеческой природы. Трагедия этих трех линий в том, что со временем их критическое содержание оказалось исчерпанным, а сами они в конечном счете влились в общий мейнстрим социальной науки, были адаптированы и интегрированы в ее господствующую дисциплинарную модель (в определенном смысле и усилив ее): историческая школа Staatswissenschaft в конце концов приняла вид respectable и влиятельного вестернианства, «Анналы» ныне представлены так называемым «третьим поколением», а марксистская теория, как мы хорошо знаем, выродилась в «советский марксизм».

ВО: Что же может стать альтернативой старой социальной науки XIX столетия? В чем смысл метадисциплинарного подхода?

И.В.: Во-первых, это переосмысление проблематики исторической темпоральности (от календарного линейного времени к множественности различных видов «времени-и-пространства»); во-вторых, это новая единица анализа (исторические системы, а не отдельные

общества и/или государства); в-третьих, это переосмысление сущности социальных изменений (стохастическое развитие вместо линейного прогресса).

Здесь мне особенно хотелось бы прокомментировать третий аспект альтернативы традиционной социальной науке XIX века – отказ от понятия линейной эволюции и идеи «прогресса» как ее квинтэссенции. Дело в том, что понятие прогресса предполагает постоянную и однозначную направленность изменений, тогда как исторические факты свидетельствуют, что социальные процессы могут разворачиваться вспять, замедляться и останавливаться. Историческая эволюция если и является детерминированной одной ключевой (и безальтернативной) логикой (это логика системного развития, ритма исторической системы), то интенсивность этой детерминации неравномерная и пульсирующая, она лишь постепенно набирает силу и также неизбежно подходит к своему исчерпанию, открывая дорогу целому спектру возможностей развития в любом направлении. Когда историческая система вступает во временную полосу упадка или разрыва (по определению, они случаются только один раз и только в ее конце), все или почти все становится возможным и реализуемым, а минимальные человеческие усилия способны породить широкий спектр альтернатив.

ВО: Каков ваш прогноз относительно гуманитарных дисциплин, гуманитарного образования в университетской системе?

И.В.: Я не люблю делать прогнозы, но сейчас уже с достаточным основанием можно сказать, что наметилась отчетливая тенденция разрушения границ между гуманитарными дисциплинами. Поэтому в перспективе вполне вероятно появление общегуманитарных кафедр, на которых, к примеру, будут разрабатываться единые гуманитарные программы, включающие социологию, историю, лингвистику и филологию. Возможно возникновение какого-то единого транснационального списка обязательного чтения, куда войдут имена философов и литераторов, в равной степени значимых для всех культур, что станет базовой организационной структурой, одним из главных инструментов МСА.

Беседовала Елена Пенская